

Поэтическая серия «АРеал»

маргарита еременко
ГОСПОДУ И ДЕТАМ:
книга стихотворений

www.promegalit.ru

маргарита еременко
ГОСПОДУ И ДЕТАМ:
книга стихотворений

ББК 64 (2Рос-2Рус)

Поэтическая серия «АРеал»

Маргарита Еременко. ГОСПОДУ И ДЕТАМ: книга стихотворений. - Поэтическая серия «АРеал» - Кыштым: Евразийский журнальный портал «Мегалит», 2012 - 52 с.

ISBN 5-8004-0042-3

(с) Маргарита Еременко, 2012, стихи

(с) Евгения Изварина, 2012, вступительная статья

(с) Артем Филатоф, 2011, заключительная статья

(с) Александра Асташонок, 2012, иллюстрации

(с) Александр Петрушкин, 2012, редакция, составление, дизайн-верстка

ОГЛАВЛЕНИЕ

Евгения Изварина «Научи меня жить и любить...»

5

тьма растет под окнами

7

как у тебя живот

8

не говори: «Ри-»

11

по лопаткам по твоим девочка

12

отпускаешь, идешь, идешь

13

... почему-то ты пишешь — не я

14

ни снега, ни воды не надо

17

и в воздухе сыром

18

все, что я говорю (считай, что сказала зря)

19

... так обернувшись сглатываешь сушу

20

и дерево растет, как дерево — вовне

23

не думай — между нами пустота.

24

НЕ ОТВЕСТИ

25

ломая ксерокопию воды

26

такое в ноябре обычно снится —

29

говорю тебе не потому,

30

печальные после любви

31

тогда ты поймёшь, как я дошла одна

32

речи твои несвязные

35

дочь моя плавает в твоей ванной

36

Любовь моя – тоже мне девочка –

37

нет, вовсе не беда, а косточки от вишен

38

вечно вот так вот первая

39

я расправляю небо

40

стеной стоит вода

43

Теперь и я должна ответить за заколоченные гвозди –

44

Артем Филатов

ИДЕАЛЬНЫЙ ЧИТАТЕЛЬ:

ИЗ «АНТОЛОГИИ СОВРЕМЕННОЙ УРАЛЬСКОЙ

ПОЭЗИИ: том 3 (2004 - 2011 год)»

45

«НАУЧИ МЕНЯ ЖИТЬ И ЛЮБИТЬ...»

Мне кажется, главное, что отличает стихи Маргариты Еременко, - искренность интонации. У разных авторов эта черта проявляется по-разному, проясняет разные грани поэтики. В данном случае это искренность, прежде всего, перед самим собой: стихи пишутся в лирический дневник, это речь совсем еще молодого человека, впервые сталкивающегося со многим в жизни, в себе и во внешнем мире. Да, это еще не «песни опыта». Но и не «песни невинности» (в смысле – неведения). Жизненный опыт в них присутствует, но не как воспоминание и не как предмет анализа, а – в переживании, в самый момент получения этого опыта.

С этим связана точность воспроизведения в стихах психофизики существования, единство эмоции, положения, ощущения. «...в сених опрокинешь печаль,/ о старый порог поперхнешься...» - где здесь граница между человеком и обжитым пространством, между чувством и предметом, между душой и телом? «Идут дожди, пронизывая веки» - откуда, спрашивается, «идут»? Извне – падают на лицо струи дождя, или изнутри – подступают к ресницам слезы?..

Таким языком, сочетающим многозначность и сосредоточенность на тончайших оттенках чувств, писать бы о любви. И Маргарита Еременко пишет о ней – все с той же непосредственностью проживания, а не осмысления порывов и действий, когда можно «нанизывать любые слова/ на кольцо соприкоснувшихся рук» (в жизни мы нанизываем на кольцо чаще всего ключи – таким об-

разом «слово» здесь сопоставлено с ключом, символом поиска и открытия). Лучшие стихи Еременко сочетают в себе драматизм реальной жизни и язык символов, метафор, разветвленных ассоциаций. Это – лирика, но она не ограничивается личной ситуацией. С той же полнотой в ней отражается окружающий мир: земля и небо, малая родина, большая страна, и что особенно важно – время: не как отвлеченная категория, а как постоянный спутник и собеседник: «И не я это вовсе, а время кроит,/ отмеряя пространство моей пустоты...» Но поскольку о той же болезненной пустоте существования сказано: «выбоина моя/ выстроила меня» - перед нами все же поэзия мужества и приятия, а не бессилия и отказа. Поэтому, полагаю, и самим стихам не будет отказано в понимании и любви...

Евгения Изварина

тьма растет под окнами
Господу и детям
все с глазами мокрыми
и за все в ответе
мать отец неузнаны
дом горит и стынет
а откроешь – вот они
буквы–то простые

как у тебя живот
кто у тебя живет
кто там у нас распят
в доме где трое спят

Бог мне любовь или стыд
как у тебя живот –

болит?

**тьма растёт под окнами
Господу и детям
все с глазами мокрыми
и за все в ответе**

* * *

Не говори: «Ри..»,
Не повторяй: «—та»—
гильские фонари
с августом зыбким у рта.
Пьяный базар—вокзал,
кто—то уже в Москве,
слабые поезда,
розовенький рассвет.
И несмотря на
то, что пересолю:
все—таки не до дна,
все—таки не люблю.
Кто же тебе сказал—
запоминай места?
Пьяный базар—вокзал,
Та, говорю, та.

по лопаткам по твоим девочка
по ладоням по твоим ртом –
переломанная веточка,
обескровленная потом.
по всему твоему сиянию –
как по руслам твоих рек –
языком и воспоминанием,
немотой говори век.
катись яблочком по тарелочке!
(как темны по утрам круги)
смотришь, смотришь – твоя девочка,
а моргнешь – не твоя. спи.

Отпускаешь, идешь, идешь...
ни за Родину, ни за воду.

А водицы—то ни на грош,
и как члены стоят заводы.

Прорастает в небо земля —
от того-то и птиц не видно.

И на солнышке не горят,
и под дождем не обидно.

Это все она подняла
в твои волосы мои пальцы —

с кровью, солнце, отодрала
небо с солнышками на пальцах.

... почему-то ты пишешь — не я —
и бумага свинцом разливается
по рукам и по красным полям —
заикается,

как язык у женщины той,
снизу на луну лающей, —
пережевывает: постой!
нА еще!

потому что темна земля
Богу, сыну и тополя.

Александра Асташинок

**как язык у женщины той,
снизу на луну лающей, –
пережевывает: постой!
нА еще!**

Ни снега, ни воды не надо.
Осипшим яблоком в пустом саду –
в протянутой руке посреди сада

удержишь на весу, как на беду.
И солнце, закатившись на ладони,
слезами растопляя тело льду...

На полуслове ты меня догонишь
в неярком свете к дому моему;
еще два шага – и уже не помнишь

звучанье твоих уст и полумглу,
и снег, и тьму на языках старинных,
где я тебя на свет переведу,

где я тебя на вдох переведу,
где я на жизнь тебя переведу,
на свой язык тебя переведу.
Недлинно.

А.И.

и в воздухе сыром,
и в колыбели сердца,
и в голосе грудном,
которым свет горит,
я повторяю нас –
от сердца и до сердца –

*ты только
не умри.
ты только не
умри:*

и в долгом полумраке,
катают фонари
в деревьях костяных.
я повторяю нас
в таком безумном страхе,
в любви.

* * *

Все, что я говорю (считай, что сказала зря);
Люди расходятся, и потому не странно
Видеть на кухне не тот лист календаря,
Другое лицо наблюдать в зеркалах своей ванны;
Бояться того, что чей-то чужой язык
Тебя прочитает. Поэтому не с кем сверить
Тупую тоску, к которой совсем не привык,
И веру, которой трудно во что-либо верить.

... так обернувшись сглатываешь сушу
и на зубах песок

так время резко вывернет наружу
за локоток

так кромки медленно касаясь
береговой

ладонью прирастаешь к краю
и — над водой.

**и в долгом полумраке,
катают фонари
в деревьях костяных.
я повторяю нас
в таком безумном страхе,
в любви.**

* * *

И дерево растёт, как дерево – вовне.
И крошится на стол то снег, а то посуда.
И речь лежит не в плоскости на дне
в досужих пересудах,
а там где нет ее. И это вещество –
всё золотая взвесь рассыпанных предлогов,
и выдохи мои, и вдохи твоих снов –
искрится на губах и падает недолго,

как снег и как дожди. И запах января –
дыхание двоих – друг друга повторяя –
на выдохе и вдохе говоря.

* * *

Не думай — между нами пустота.
И пустота бессмысленно смыкаясь
Рекой течет под перекат моста —
То, медленно смеясь, то заикаясь.

А смысл уходит. Можно лгать, прощать
И наносить раненья ножевые;
Губами прикасаешься к вещам
И понимаешь, что они живые.

Позвякивая ситцевым стеклом,
Друг к другу крепко примерзают блюдца;
И хочется быть девушкой с веслом
От невозможности с тобой вдвоем проснуться.

не отвесьть

-1-

ни женой ни твоей ни его
стать бояться когда–нибудь
замерзает больней всего
прежде теплая круглая ртуть

расщепляется вещество
существуя но вышел весь
ни женой ни рабой его
ни твоей ни его не здесь

стать и слушать когда–нибудь
развороченная стена
заколоченная вовнутрь
и не выжившая одна.

-2-

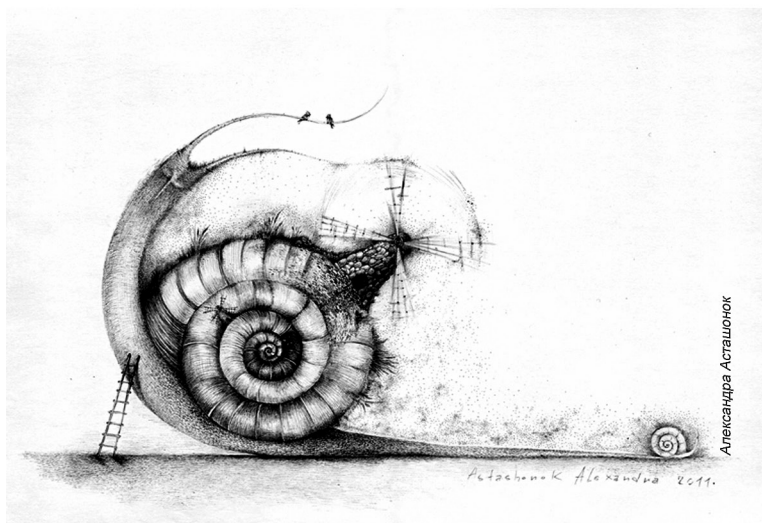
вот и зашили реки
прожитые во вне
рыбы и человеки
звери и птицы снег
помнят прости остаться
голого по(ловца)
страшно как целоваться
стыдно как от Отца
не отвести (остаться)
не переспать (как есть)
стыдно как целоваться
страшно как не отвесьть.

* * *

Ломая ксерокопию воды,
себя в ней только и не замечая,
рассматривать елейные следы.
И чая

не попросить. И не подать руки.
Уйти обиженно и оттого не странно.
Зимой и ночью резать на куски
диваны.

Такая вот нелегкая. Забудь.
Тебе и завтра встретится, наверно,
до буквы «р» похожий на судьбу.
Неверный.

Александра Асташинок

Асташинок К. Александр 2011.

**балканку в руках теребя
босые морозят ноги**

**вздыхают как люди в себя
и плачут как боги**

Такое в ноябре обычно снится –
в глухом бреду, на грани полусна –
метелью на стекле взлетают птицы,

и чудится не осень, а весна.
И чудится, что голос не надорван,
что капает, не время, а вода;

твой шепот слышен в лабиринтах комнат,
а комната тепла, как никогда;
и Анджелины Джоли, как мадонна

на постере, и смотрит в провода,
где птицы свой полет осуществляют
в полнеба. И садятся иногда.

А я боюсь, когда они взлетают...

Говорю тебе не потому,
что провисло время и открылось
всеми сторонами поутру.

Тихим вздохом вытаив слова,
укрываешь бреши зим и держишь
угольки калёные. Ова-

-ла лица запомнить в этот дождь
не посмеешь, но поспеет первый
снег. И потому так хорошо.

* * *

печальные после любви
навекы стоят на балконе

как Спасы стоят на крови
как воры в законе

балканку в руках теребя
босые морозят ноги

вздыхают как люди в себя
и плачут как боги

Тогда ты поймёшь, как я дошла одна
до железнодорожного полотна;
по обе стороны льда и весеннего света —
дорога одна, и та до конца

длинна.

Руки тянуть навстречу — да в узелки;
так женщины ткут полотно на размер реки,
от талой воды отогревают руки.
вот так и мне льдинки твои

Близки.

Заговори первый о нас. Ты —
глубже пропасти. Так заговори стыд!
Застудив сотни верст черных полей и снега
след твой любимый вместе со мной

простыл.

Александра Асташинок

**дочь моя плавает в твоей ванной
то кролем, то брассом, то карениной анной,
волны вздымаются, распластываются о стену,
волны пенные ей уже по колено.**

речи твои несвязные
реки твои до дна
никому не подсказывай
строчки слова имена
никому не рассказывай
даже в беду в бреду
как я иду и падаю
как я иду — иду

крестиком вышивается
гладью надеется
научи меня жить и любить
я позабыла уже
как это делается.

дочь моя плавает в твоей ванной
то кролем, то брассом, то карениной анной,
волны вздымаются, распластываются о стену,
волны пенные ей уже по колено.
волны вздымаются, в небо уносятся брызги,
кто-то чужой ей уже наливает виски,
кто-то другой берет ее, гладит, целует плечи,
кто-то с ней будет, и будет спать в этот вечер.

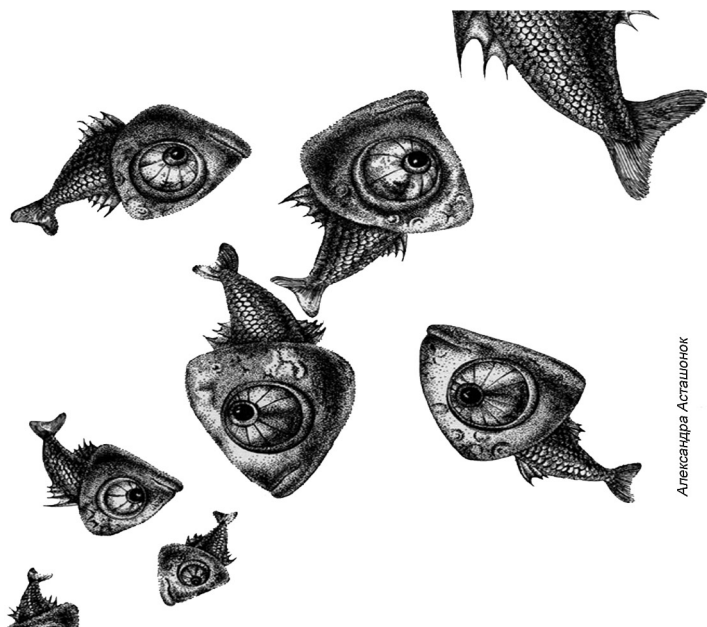
иглы мороза взрослеют, колются очень.
мыльная пена. дети и внуки. Осень.

Любовь моя – тоже мне девочка –
что из угла глядишь, выскочка?
На этот лист в клеточку,
на клетчатый плед в дырочку?
Ходишь по льду босая – и
дрожь оживает под кожей,
смотришь, рукой касаешься,
на дочку мою похожая, –
Чудо мое влюбленное,
толку просить, чтоб думала –
губёшками обожженными
на молоко дула бы...

Нет, вовсе не беда, а косточки от вишен,
не тайна трех морей, а добрая рука;
длинноты февраля, промоченные крыши,
короткая строка
хлопочет целый день и бьется в телогрейке —
нелепая как смерть, любимая как дочь,
свободная уснуть на тлеющей скамейке,
как проклятая строч-
ка. Голос твой и гол...
Найтишайший голос.
Не говори — молчи, не сотвори, но верь.
Я верую, что мы — медовые, но пчелы,
закрытая, но дверь.

вечно вот так вот первая
заговоришь Богу:
Господи, Господи, белая
женщина и дорога...
и в запотевшее зеркало
выдохнешь слово в слово:
я ничего не сделала
я ничего плохого.

я расправляю небо
небо приемлет не—
бо до седьмого хлеба
рыбы и птицы снег
за руку водит Бога
голового по воде
что ты не спишь дорогой?
что ты дрожишь во сне?
вслух называешь воду
я ее в землю лью
я ее в землю — воду
и в небеса — чуть—чуть

Александра Асташенок

**за руку водит Бога
голого по воде
что ты не спишь дорогой?
что ты дрожишь во сне?**

Стеной стоит вода –
погода/непогода –
снег движется туда,
где коромысло входа;

где я к тебе иду
по лаковому насту,
по липовому льду,
по ласковому счастью.

Воздушны снегири
и трепетно взлетают;
а мы всё говорим,
себя перебивая.

* * *

Теперь и я должна ответить за заколоченные гвозди –
живешь и ни хрена не светишь,
а позже –

водой каленой разольешься, и без разрывов
родишь, как заново взорвешься...
И – живы.

Скажи, мне как их забивают? Короче...
Длинна ли исповедь у края?

Как хочешь...

ИДЕАЛЬНЫЙ ЧИТАТЕЛЬ:
ИЗ «АНТОЛОГИИ СОВРЕМЕННОЙ УРАЛЬСКОЙ
ПОЭЗИИ: том 3 (2004 - 2011 год)»

Термин «женская поэзия», как и многие гуманитарные понятия, довольно спорен и расплывчат. Объясняется это не столько невниманием к женской лирике критиков и литературоведов (здесь как раз всё в порядке), сколько в сложности и противоречивости этого явления. Кроме того, само словосочетание «женская поэзия» вызывает у многих негативные коннотации – мол, женская лирика – всё о чувствах да о чувствах, ни тебе глубокой философии, ни эпического, объективирующего начала и т.д.

В то же время очевидно, что различия (и не только «естественные физиологические») между мужчиной и женщиной порождают различные типы письма. И здесь отчасти (но лишь отчасти) работает и вышеприведённый стереотип: действительно, женская поэзия может быть определена как «в высшей степени личностное, эмоциональное, связанное с телесностью письмо» (Анна Альчук). Впрочем, и личностность, и эмоциональность, и телесность в современной женской поэзии не столько сопровождают тему любовных отношений, сколько служат инструментом напряжённой рефлексии над широчайшим спектром языковых, философских, социально-исторических и др. проблем. Разумеется, поэты-женщины могут с лёгкостью игнорировать любой элемент вышеперечисленной триады, которая, как и всякая схема, имеет ограниченное сход-

ство с реальностью. Однако в разговоре о поэзии Маргариты Ерёменко без неё не обойтись.

Подавляющее большинство стихотворений каслинской поэтессы – это любовная лирика. Определённое своеобразие её стихам придаёт то, что к стандартной цепочке «лирический субъект» – «возлюбленный/ая» иногда прибавляется третье лицо – «дочь» (а не, например, другой мужчина/другая женщина). В этом своеобразном любовном треугольнике образ дочери (или шире – образ маленькой девочки) становится двойником лирического субъекта, фигурой опосредования, которая принимает на себя все его (лирического субъекта) чувства и раны.

Очевидно, что выбор в качестве «альтер-эго» маленькой девочки связан, во-первых, с повышенной чувствительностью, «ранимостью» этого персонажа и, во-вторых, с тем, что между «лирической героиней» и её возлюблённым есть ощутимая возрастная разница (см. текст «Так искрит асфальт под каблуками...»).

Мы не зря упомянули про ранимость: «девочка» Ерёменко то ходит по льду босиком, то предстаёт как «переломанная веточка/обескровленная потом» и т.д. При этом болезненные телесно-тактильные ощущения неотделимы от любовных переживаний (см. уже цитировавшийся текст «Любовь моя – тоже мне девочка...»). Следует сказать, что даже в тех текстах, где присутствует «двойник» лирического субъекта, автор в первую очередь стремится не к опосредованию высказывания, а к максимальному нагнетанию выразительности и эмоциональности. Последняя часто достигается за счёт короткой, рубленой строки, напевной интонации. Вообще, для творчества Ерёменко характерно обращение к фольклорным мотивам. Отсюда внимание к звуковой

стороне стиха, отсылающей нас к заговорным основам речи. Важную роль здесь играют природные образы, с одной стороны, отражающие внутреннее состояние героя, и, с другой, наполненные самостоятельным символично-мифологическим содержанием. Впрочем, иногда в фольклорно-утопическую картину вмешиваются, словно по недоразумению, реалии сегодняшнего дня: «Дивная моя птица/ чистое моё поле/ солнце на трёх спицах / логины и пароли».

Противоречивое, часто парадоксальное переплетение сиюминутного и вневременного, обыденного и мифологического, любви и страха, страдания и счастья – вот отличительные черты поэзии Маргариты Ерёменко, поэзии, чьё наполнение предопределено подчёркнуто женской оптикой её автора.

Артём Филатоф (Нижний Новгород)

**Евразийский журнальный портал «МЕГАЛИТ»
2012**

Тираж 1000 экз.

Маргарита Леонидовна ЕРЁМЕНКО

родилась в 1982 году в городе Минусинске Красноярского края. В 1988 году с семьей переехала на родину родителей в город Касли Челябинской области. Закончила факультет журналистики Уральского Государственного Университета им. А. М. Горького (г. Екатеринбург) по специальности «Журналистика». С 2010 года – кандидат филологических наук.

Публиковалась в журналах: «Урал» (2006, 2010), «Уральский следопыт» (2002), «Транзит-Урал» (2003, 2004, 2005), «Берега» (2003), «Новый ковчег» (2004), «Новый век» (2005), «11:33» (2007), «День и ночь» (2010); электронных журналах «Новая реальность» (2009, 2010), «Полутона» («Звательный падеж») (2010). Автор книги стихов «Ри-» /2005/, поэтического сборника «Дуэт и соло» /2006/. Лауреат Всероссийской литературной премии им. К.Нефедьева /2003/. Участник Всеуральского совещания молодых литераторов /2002/ и Всероссийского совещания молодых литераторов /2005/. Участник Литературного клуба «Подводная лодка» (с 2005 г.) Участник поэтического семинара «Северная зона» (с 2006 г.).

Организатор ежегодных Региональных Каслинских поэтических чтений (с 2001 г.). Руководитель Литературного Объединения г. Касли Челябинской области (с 2009 г.). Замужем, воспитывает дочь Софию.

